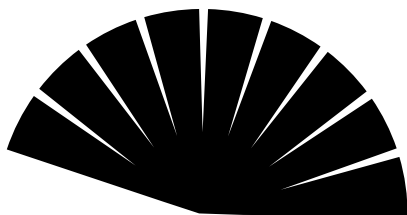

КЭРОЛА ДАНН

чай, кофе
и убийства

КЭРОЛА ДАНН

РЕКВИЕМ ДЛЯ
МЕЦЦО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д18

Серия «Чай, кофе и убийства»

Carola Dunn

REQUIEM FOR A MEZZO

Перевод с английского *Е. Матвеевой*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC и литературного агентства
Nova Littera SIA.

Данн, Кэрола.

Д18 Реквием для меццо / Кэрола Данн ; [пер. с англ. Е. В. Матвеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-098123-6

Лондон, март 1923 года.

Дэйзи Дэлримпл наслаждается «Реквиемом» Верди в компании старшего инспектора Скотленд-Ярда Алека Флетчера. Партию меццо-сопрано в опере исполняет Беттина Уэтли, сестра соседки Дэйзи — мисс Мюриэл. Однако концерт завершается трагически: в начале второго отделения оперная дива падает замертво прямо на сцене...

Причина смерти — отравление. Яд, судя по всему, был подмешан в ликер, который она пригубила между партиями. Но кто мог осмелиться на такое дерзкое преступление? Кому перешла дорогу талантливая, но капризная и эгоистичная девушка?

Дэйзи Дэлримпл снова приходит на помощь Флетчеру. Вскоре они выясняют, что недоброжелателей у оперной певицы было более чем достаточно. И каждый из них имел не только мотив, но и возможность раздобыть цианид — яд, которым отравили Беттину...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Carola Dunn, 1996, 2009

© Школа перевода В. Баканова, 2016

ISBN 978-5-17-098123-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящается Кíту,
который сгладил все шероховатости,
как и подобает редактору.*

Глава 1

Дэйзи снова потянулась к блестящему дверному молоточку, но тут темно-зеленая дверь отворилась.

— Ах, это вы, Дэйзи. Проходите, прошу вас. — На худом, вечно обеспокоенном лице Мюриэл Уэсли появилась виноватая улыбка. В свои тридцать с небольшим она выглядела преждевременно поблекшей, да и бурое заношенное платье, выдавшее лучшие времена, ее не красило. — Простите, что заставила ждать — у служанки выходной. А вы даже пальто не накинули.

— Ничего, мне же добежать из соседнего дома, да и денек шикарный. Вот-вот нарциссы расцветут. Обожаю весну.

Дэйзи вошла в дом. Лучи солнца, проходя сквозь витражи викторианской двери, отбрасывали зеленые и лиловые блики на белые стены и натертый до блеска паркет. В вазе на столе алел букет роз.

— От поклонника Бетси, то есть Беттины, — пояснила Мюриэл. — Тепличные, аромата совсем не дают.

— Зато глаз радуют. Вашу сестру ведь на самом деле зовут Элизабет?

— Да, но в детстве она была для всех просто Бетси, и я никак не привыкну звать ее по-другому.

— Понимаю, я и сама долго звала Люси школьным прозвищем. — Дэйзи протянула баночку из-под джема. — Боюсь, я пришла попрошайничать. Принялась печь именинный пирог для Люси и обнаружила, что мука закончилась. У вашей кухарки не найдется с четверть фунта?..

— Конечно-конечно. Спустимся на кухню. — Мюриэл направилась к лестнице в дальнем конце холла. Где-то в глубине дома пел женский голос под аккомпанемент фортепиано. — Когда у Люси день рождения?

— Завтра. Я пеку бисквит, он не повредит фигуре — Люси очень за этим следит. Вот бы мне такую силу воли, — произнесла Дэйзи с сожалением. — Никак не могу похудеть.

— А вам и не пойдет, — успокоила ее Мюриэл. — К тому же плоская грудь и узкие бедра скоро выйдут из моды.

Она отворила обитую зеленым сукном дверь, и музыка зазвучала громче: Кармен предостерегала возлюбленного: *«Si je t'aime, prends garde a toi!»**.

— У вашей сестры красивый голос.

— Это не Бетси, а Оливия Блейз, ученица Роджера.

— Блейз? Знакомое имя. Кажется, она к нам приходила, Люси делала ее фотопортрет, — сказала Дэйзи, спускаясь по лестнице. — Мистер Абернати часто направляет к ней своих учеников. Очень благородно с его стороны. Должно быть, прекрасно жить в окружении музыки, — добави-

* «Тебя люблю я, берегись любви моей!» (фр.) — Здесь и далее примеч. пер.

ла она, когда зазвучало вступление к другой арии Кармен.

— Да, если бы только к ней не прилагался артистический темперамент, — вздохнула Мюриэл. — Пожалуй, слова «Тебя люблю я, берегись!» или лучше «Меня ты любишь, берегись!» очень точно характеризуют большинство певцов. Тех, кто солирует, разумеется. Нам, хористам, отводится куда более скромная роль.

Дэйзи не терпелось спросить, относится ли к этому большинству Беттина, но приход в кухню спас ее от проявления бестактности.

Кухарка насыпала в баночку муки, а когда Дэйзи призналась, что прежде не пекла бисквитов, еще и снабдила ее ценными советами.

Чуть погодя она объявила:

— Чайник закипает, мисс Уэтли. Подавать чай?

— Останетесь, Дэйзи? — с надеждой спросила Мюриэл.

— Я бы с удовольствием, но уже духовка нагревается, и яйца в миску разбила, так что мне лучше поспешить домой.

— Да, пожалуй. — Мюриэл с разочарованным видом сопровождала ее обратно в холл.

Теперь пение доносилось с другой стороны, из комнаты в передней части дома.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet apparebit:
Nil inultum remanebit!*

* Судья когда приидет,
Что сокрыто — на свет выйдет,
Всех возмездие настигнет.

Дэйзи не знала, что означают слова, но в звучном женском голосе отчетливо слышались злорадные нотки.

— А вот теперь Бетси. «Реквием» Верди, часть о Судном дне. Будет исполняться в Альберт-холле. Бетси выступает в основном с провинциальными труппами, так что для нее это прекрасная возможность заявить о себе на столичной сцене.

— Надеюсь, все пройдет хорошо, — сказала Дэйзи из вежливости. Она видела Беттину Уэтли, или, правильнее сказать, миссис Абернати, лишь мельком, и та показалась ей сущей язвой.

— Красивый голос, — с гордостью сказала Мюриэл, — и сама она красавица, просто создана для оперной сцены. Осталось только, чтобы нужные люди заметили. О, как вы полагаете, Люси была бы рада получить на день рождения билеты на концерт? У Бетси есть пригласительные. Концерт днем, в следующее воскресенье. Нет, не так. Восемнадцатое марта тысяча девятьсот двадцать третьего года станет звездным часом Беттины.

— Насчет Люси не знаю, а вот я бы очень хотела пойти.

— Тогда билеты ваши. — Улыбающаяся Мюриэл выглядела юной и почти хорошенькой. — Они в музыкальном салоне. Я их вам принесу.

— Шикарно! Вы тоже выступаете?

— Да, пою в хоре. Беттинин муж — наш хор-мейстер.

Мюриэл тронула ручку, собираясь выпустить Дэйзи, и тут застучал дверной молоточек. На пороге стоял высокий молодой джентльмен привлекательной наружности. Светло-серый костюм был сшит

по последнему слову моды, однако прическа ему не соответствовала — выбивающиеся из-под шляпы густые каштановые волосы касались воротника, где вместо галстука красовался белый шейный платок. Рубашка и платочек в нагрудном кармане были сиреневыми. Вне сомнения, щеголь принадлежал к богеме.

Дэйзи его не узнала, хотя припаркованный на Малберри-плейс бордовый «лейланд» восьмой модели — дорогой автомобиль с длиннющим угловатым капотом — она раньше видела.

Джентльмен приподнял краешек серого хомбурга*:

— Добрый день. Я за мисс Блейз.

— Тогда вам лучше подождать внутри, — сухо сказала Мюриэл и отошла от двери, пропуская гостя в дом; лицо ее при этом приняло каменное выражение. — Мисс Блейз вот-вот освободится. Дэйзи, вы знакомы с мистером Кокрейном? Он дирижирует «Реквиемом». Наша соседка, мисс Дэлримпл.

Дирижер слегка склонил голову в знак приветствия и бросил недоуменный взгляд на баночку с мукой.

— Соседка? Должно быть, вы — фотограф, которого мне рекомендовал Абернати для снимков в газету.

— Нет-нет, вы говорите про мою подругу, мисс Фотерингэй. Она очень хороший фотограф.

— Я бы пошел к ней, но жена настояла на ателье в Вест-Энде, где уже была раньше.

Дэйзи кивнула, и тут дверь гостиной распахнулась.

— Мюриэл, ну и как мне репетировать в таком шуме? — раздраженно выпалила Беттина. —

* *Хомбург* — мужская шляпа из фетра с продольным заломом на верхушке, загнутыми вверх полями и лентой по тулье.

Кто?.. А, это вы, Эрик, — продолжила она с видом кошки, которая прижала лапой мышь. — Вы к нашей дорогой Оливии? Очень надеюсь, что она вам обрадуется.

Господин Кокрейн слабо, пожалуй, даже недовольно улыбнулся. Его, похоже, не впечатлили ни золотистые кудри, обрамляющие идеальный овал лица, ни широко распахнутые глаза небесно-голубого цвета с умело подкрашенными длинными ресницами. Голубое шелковое платье с поясом на бедрах и струящимся до щиколоток вышитым подолом гармонировало с цветом глаз и подчеркивало и без того стройную фигуру Беттины. Рядом с ней бедная Мюриэл казалась неухоженной и старой.

— Приветствую, Беттина, — холодно произнес дирижер. — Все «Реквием» репетируешь?

Певица одарила его пренебрежительным взглядом.

Дэйзи испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, дома зажженная духовка, с другой — интересно, что не так между Эриком Кокрейном, Беттиной Уэсли-Абернати и Оливией Блейз. В конце концов, писатель просто обязан удовлетворять свое ненасытное любопытство ко всему, что касается человеческих взаимоотношений, — это называется «творческая необходимость».

Но за газ придет огромный счет... Дэйзи уже повернулась к Мюриэл, чтобы попрощаться, как в глубине гостиной послышались шаги.

Оливия Блейз была сама элегантность. Правда, когда она подошла ближе, стало понятно, что желтое платье-пальто короче, чем требует мода, и сшито из дешевого джерси, и все же выглядела она, без

сомнения, шикарно. Дэйзи подумалось, что все дело в походке, мягкой, грациозной, полной сдерживаемой жизненной энергии. Наверное, она будет так же хороша, даже если на нее надеть мешок. Гладкие темные волосы, стриженные под каре, и заостренные черты лица придавали ее облику мальчишеский задор. Люси всегда восхищалась фигурой Оливии и прочила ей блестящую карьеру модели, если с пением не выйдет.

Увидев стоящих в холле, Оливия скривилась.

Кокрейн выступил вперед:

— Оливия, позвольте, я вас подвезу.

— Что ж, подвезите, — небрежно отозвалась она. — Все лучше, чем на автобусе.

За ней тяжело брел Роджер Абернати, лысоватый тучный мужчина средних лет в очках с толстыми линзами и роговой оправой. Лицо его искажала боль, а губы приобрели синеватый оттенок.

— Роджер! — бросилась к нему Мюриэл. — Опять слишком быстро поднимался по лестнице! Присядь. — Она взяла его за плечи и подвела к стулу в холле.

Оливия резко обернулась:

— Боже, это я виновата. Так торопилась избежать... вот этого. — Она махнула рукой в сторону Кокрейна и Беттины. — Чем помочь, мисс Уэтли?

— Он не принял лекарство. — Мюриэл пошарила во внутренних карманах сюртука Абернати. — Мисс Блейз, будьте добры, принесите пузырек с таблетками из ванной комнаты и стакан воды.

— Я сам виноват, — пробормотал Абернати, когда Оливия проскользнула мимо него, на ходу бросив сочувственный взгляд. — Уже лучше.

— Когда будешь в состоянии, Роджер, — раздраженно бросила Беттина, — поможешь мне с *Liber scriptus**.

— Конечно, любовь моя. — Ни от кого из присутствующих не укрылось почти собачье обожание, с каким Абернати посмотрел на свою красавицу-жену.

Она исчезла в гостиной, с грохотом захлопнув за собой дверь. Почти сразу же оттуда раздались фортепианные аккорды, и великолепный высокий голос пропел *Liber scriptus proferetur*** , с легкостью взяв сложную квинту в конце.

Тем временем вернулась Оливия Блейз с лекарством. Кокрейн застыл на пороге, не зная, то ли прямо сейчас избавить всех от своего явно нежелательного присутствия, то ли еще немного задержаться. Дэйзи подумала, что ей-то уж точно давно пора откланяться.

— До свидания, Мюриэл, — сказала она. — Благодарю вас!

Занятая открыванием пузырька Мюриэл рассеянно улыбнулась:

— Увидимся позже, Дэйзи.

Дэйзи поспешила в свой маленький домик по соседству и почти бегом спустилась в тесную полуподвальную кухню. Там она отмерила муку и сахар, как советовала кухарка Мюриэл, и принялась энергично взбивать яйца.

Спустя час Дэйзи сидела за кухонным столом, чаевничая с миссис Поттер, приходящей служанкой, и тут в дверь позвонили.

* «Книга деяний» — часть второго раздела (секвенции) «Реквиема».

** «И да откроется книга» (лат.).

— Встаю я, значит, и говорю ему: «Да нипочем такого не будет», — закончила женщина свой рассказ и, допив переслащенный чай, грузно поднялась на ноги. — Я открою, мисс. Все равно еще в ванной помыть надо. А вы, смотрите, не трогайте пока духовку, а то вместо пирога подарите Люси лепешку, уж я знаю, что говорю.

Ее тяжелые шаги раздались на лестнице. Дэйзи в нетерпении уставилась на духовку. Если приоткрыть только на щелочку, ничего ведь не будет? Но кухарка Абернати тоже говорила, что открывать нельзя, а если все испортить, Люси будет смеяться, ведь Дэйзи уверяла ее, что печь бисквиты — проще простого.

— Это мисс из соседней квартиры! — прокричала сверху миссис Поттер.

— Не поднимайтесь, Дэйзи, я сама к вам спущусь, — раздался голос Мюриэл.

На ступеньках послышались легкие шаги.

— Я принесла билеты.

— Спасибо, Мюриэл. Вы душечка. Извините, я тогда убежала, не хотелось мешать. Я бы осталась, если бы требовалась помощь, разумеется.

— Нет-нет, что вы. У бедного Роджера слабое сердце, ему просто нужно вовремя принимать лекарство. Носить с собой, а он забывает. Бетси знает, что приступы не опасны, — добавила она в защиту сестры.

Дэйзи, чье мнение о Беттине увиденная сцена только укрепила, тактично ответила:

— Рада, что болезнь мистера Абернати не настолько серьезна.

— Я тоже. Он всегда был очень добр ко мне, — впалые щеки Мюриэл порозовели. — Простите, что вы, что вам... боюсь, нам всем было неловко.